

DOI 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-6-39

УДК 316.42(66)

Д. М. Бондаренко

Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2020-3553
E-mail: dmitrimb@mail.ru

К вопросу о путях становления сложного общества: вариант бини (Западная Африка)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается процесс перехода от простого общества к сложному (то есть имеющему надобщинные уровни социально-политической организации) у народа бини, проживающего в Западной Африке, на юго-западе современной Нигерии. На основе изучения источников разных видов — археологических, этнографических и др. — показано, что этот процесс протекал в основном во второй половине I тыс. н. э., был стимулирован распространением у бини земледелия и железа и связан с их борьбой за ресурсы, в частности, с эфа — первопоселенцами на землях, занятых бини в результате миграций в I тыс. до н. э. Формой, в которой у бини образовалось сложное общество, стало вожжество — объединение нескольких локальных общин под властью верховного вождя. Дальнейшее усложнение социально-политической организации бини привело к появлению, вероятно, в XIII в. королевства Бенин. При этом подчеркивается, что на всем протяжении истории усложнение социально-политической организации бини проходило путем воспроизведения на более высоких уровнях матрицы субстратного для их общества института — большесемейной общины. На примере бини в статье рассматриваются такие общие вопросы, важные для изучения процессов образования, трансформации и функционирования сложных обществ в Африке и за ее пределами, как соотношение в них военного и мирного компонентов, профанной и сакральной, индивидуальной и коллективной власти.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: сложное общество, община, вожжество, власть, бини

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я: Бондаренко Д. М. К вопросу о путях становления сложного общества: вариант бини (Западная Африка). *Этнография*. 2024. 4 (26): 6–39. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-6-39

D. Bondarenko

Institute of Oriental Studies of the RAS

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2020-3553

E-mail: dmitrimb@mail.ru

On Pathways to the Complex Society: The Case of the Bini (West Africa)

ABSTRACT. The article examines the process of transition from a simple society to a complex one (i. e., having supra-community levels of socio-political organization) among the Bini people living in West Africa, in the southwest of modern Nigeria. Based on the study of sources of different types — archaeological, ethnographic, etc. — it is shown that this process took place mainly in the second half of the 1st millennium CE, was stimulated by the spread of agriculture and iron among the Bini, and is connected with their struggle for resources, in particular, with the Efa — the first settlers on the lands occupied by the Bini as a result of migrations in the 1st millennium BCE. The form in which a complex society raised among the Bini was the chiefdom — a union of several local communities under the rule of a paramount chief. Further growth of the socio-political organization complexity among the Bini led to the emergence, probably in the 13th century, of the Kingdom of Benin. At the same time, it is emphasized that throughout history, the complication of the socio-political organization of the Bini was taking place through the reproduction at higher levels of the template of their substrate institution — the extended-family community. Using the Bini as a case, the article examines such general issues important for studying the processes of rise, transformation, and functioning of complex societies in Africa and beyond as the relationship between military and peaceful components, profane and sacral, individual and collective power in their dynamics.

KEY WORDS: complex society, community, chiefdom, power, Bini

FOR CITATION: Bondarenko D.
On Pathways to the Complex Society:
The Case of the Bini (West Africa).
Etnografia. 2024. 4 (26): 6–39. (In Russian).
DOI: 10.31250/2618-8600-2024-4(26)-6-39

ВВЕДЕНИЕ

Зона тропического леса, именуемая Верхней Гвинеей, — одна из тех частей Африканского континента, изучение истории которых особенно затруднено отсутствием синхронных источников, в том числе письменных. Европейцы достигли ее по морю только в середине XV в., а леса предотвращали проникновение мусульман вплоть до конца XVIII в. Именно в этом регионе, на юго-западе современной Нигерии, проживают бини. Переход их общества от простого к сложному (то есть от не имеющего более высоких уровней социально-политической организации, чем локальная община, к имеющему как минимум один такой уровень) рассматривается в данной статье. Процесс усложнения общества бини в конечном счете привел к образованию знаменитого королевства Бенин (вероятно, в середине XIII в.). При этом «Бенин является наиболее ярким примером африканских царств, возникших и развившихся в стороне от арабского и европейского влияния» (Дайк 1959: 13). Тем не менее мы полагаем, что достаточно полная и надежная реконструкция ранних этапов эволюции социально-политической организации бини возможна, если будет максимально расширен круг привлекаемых источников и если они будут проанализированы методом экстраполяции, или ретроспекции. Ниже представлена довольно правдоподобная (как мы надеемся) реконструкция процесса образования первого надлокального — надобщинного — уровня политической интеграции у бини к концу I тыс. н. э.

БИНИ ДО ПЕРЕХОДА К СЛОЖНОМУ ОБЩЕСТВУ

Предки бини пришли в места нынешнего расселения этого народа — на территорию Юго-Западной Нигерии в лесной зоне Западной Африки — из области саванн, наиболее вероятно — из района слияния рек Нигер и Бенуэ, то есть из современной Центральной Нигерии. После примерно 3000 лет проживания в саванне они начали проникать в зону лесов в III–II тыс. до н. э. и окончательно переселились в нее в I тыс. до н. э., еще оставаясь охотниками и собирателями (см.: Bondarenko, Roese 1999; Бондаренко 2001: 25–34). Бини начали практиковать земледелие (выращивание ямса и масличной пальмы) к I в. до н. э. и стали преимущественно земледельцами в течение первой половины I тыс. н. э. (Shaw 1978: 68; Ryder 1985: 371; Connah 1987: 140–141). Охота, собирательство, скотоводство были дополнительными видами хозяйственной деятельности.

У бини сложилась система подсечно-огневого земледелия, поэтому, когда они освоили искусство металлургии, утверждению и развитию земледелия у них, бесспорно, способствовало также то, что «основным

средством расчистки леса под пашню» стало его выжигание. Так что «населению железного века при его [леса] расчистке не приходилось сталкиваться с особыми трудностями» (Уиллетт 1982: 17). Первое поселение, несомненно относящееся к железному веку, раскопанное на землях бини (в Биниленде), существовало в VII–IX вв. (Connah 1972: 37; 2004: 126; Darling 1984 Pt. 2: 302). Подсечно-огневая система земледелия и набор основных выращиваемых культур (ямс и масличная пальма) способствовали поддержанию достаточно высокой плотности населения (см.: Бондаренко 2001: 41–42). Сочетание большой плотности населения, благоприятного климата, позволяющего собирать несколько урожаев в год, создавало предпосылки для высокой продуктивности ручного земледелия. Оба эти условия наличествовали в Биниленде уже в начале II тыс. н. э. Переход к подсечно-огневому земледелию сопровождался сложением устойчивых хозяйственных традиций, отличающих культуру аграрного социума: приемов обработки земли, ухода за посевами, сбора урожая и т. д. (см., например: Egharevba 1949: 67–70; Bradbury 1957: 23–25). В сфере же социально-политической изменение системы жизнеобеспечения привело к формированию земледельческих общин (*ийя*) с их институтами управления. Ко второй половине I тыс. н. э. подсечно-огневое земледелие и металлургия внесли решающий вклад в сложение условий для дальнейшей политической централизации, концентрации власти и в итоге — перехода бини от простого общества к сложному.

ОБЩИНА БИНИ: СТРУКТУРА И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Переход к сложному обществу означал появление надобщинного уровня политической интеграции и соответствующих институтов управления. В ходе этого процесса локальная община (*ийя*) не просто сохранилась — она стала матрицей, моделью, по которой на протяжении истории бини строились не только первый, но и все последующие уровни надобщинной интеграции, включая королевство Бенин. Следовательно, совершенно необходимо описание структуры и системы управления общины бини. Это описание неизбежно будет основываться преимущественно (но не исключительно) на этнографических и исторических свидетельствах. Релевантность описания общины бини для более отдаленных периодов обусловлена тем фактом, что система ручного подсечно-огневого земледелия, сложившаяся в I тыс. н. э., оставалась экономической основой их существования на всем дальнейшем протяжении истории. Экономическому фундаменту общества соответствовал такой тип его социальной организации, при котором данная система земледелия оказывалась едва ли не единственно возможной, — общинный: только большому коллективу с системой взаимопомощи и совместных работ по силам выполнение всех операций сельскохозяйственного цикла

в условиях ручного земледелия в тропическом лесу. Тем самым определялся и половозрастной характер разделения труда в общине бини.

В своих фундаментальных чертах община сохранилась практически в неизменном виде в деревнях бини по сей день. Естественная среда региона препятствовала внедрению зерновых культур, использованию плуга и индивидуализации сельскохозяйственного производства, таким образом, превращая систему ручного земледелия в оптимальную и фактически предельную для бини (Usuanlele 2005: 260; Adekola 2010–2011; von Hellermann 2013). Соответственно, существование большесемейной общины в качестве субстратного социального института оказалось оправданным и необходимым на протяжении весьма длительного исторического периода. К тому же «выращивание клубнеплодов позволяло в значительной мере сохранить привычный образ жизни и не приводило к резкому отказу от прежней культурной традиции...» (Шнирельман 1982: 37). Именно стабильность общины позволяет экстраполировать этнографические данные о ней на более ранние периоды социально-политической истории бини с достаточно большой степенью уверенности в близости получаемой картины к истинной. Крупнейший исследователь этнографии и истории бини Р. И. Брэдбери специально обращал на это внимание (Bradbury 1964). При этом также можно выявить корпус свидетельств, относящихся непосредственно к рассматриваемому периоду (Bondarenko, Roese 1998a).

И. В. Следзевский (1978: 115, прим. 15) классифицировал общину бини как соседско-большесемейную форму гетерогенной земледельческой общины. Определение общины как гетерогенной предполагает, что она состоит из разнородных компонентов, объединенных связями различного типа. Структурно община бини представляет собой объединение больших семей, состоящих из малых и связанных друг с другом соседско-корпоративными узами при сохранении и уз родовых. Как показывают данные не только этнографии, но и археологии, на уровне общины существовала экзогамия (см., например: Talbot 1926 Vol. III: 540, 713–715; Darling 1984 Pt. 1: 138). В доколониальные времена счет родства у бини был в целом патрилинейным, но с элементами матрилинейности, тогда как брак был строго вирилокальным (см., например: Thomas 1910b; 1910c; Legogie 1951; Akpata 1959; Igbafe 1970; Keys 1994: 13). Разводы были запрещены (см., например: Ajisafe 1945: 41; Egharevba 1949: 20).

Население каждой деревни составляло отдельную общину. Иногда в деревне жила только одна большая семья (*эгбе*), и, соответственно, в таких случаях большая семья и община оказывались синонимами. Тем не менее, как правило, общины состояли из нескольких больших семей, поддерживавших друг с другом родственные связи; количество и размер больших семей в общинах сильно варьировали. Чем больше была деревня, тем выше оказывалась роль общинного коллектива как целого

по сравнению с ролью входивших в нее отдельных семей (Bradbury 1957: 31). Однако в любом случае не только формальный статус, но и реальный авторитет, «вес» человека в общине был напрямую связан с его положением в большой семье (Sidahome 1964: 128). Жестко иерархическая природа социальной структуры общины и системы ценностей общинников коренилась в фундаментальном для большой семьи доминировании родственных связей и делении ее членов на старших и младших родственников, не только и даже не столько по возрасту, сколько по социальному статусу. Для понимания природы и семьи, и общины (а затем — и надобщинной организации) очень важно учитывать универсальную распространенность у бини полигамии (в форме полигинии), поддерживавшейся не только обычным правом, но и общественной моралью (см., например: Gallwey 1893: 129; Thomas 1910a: 15; Talbot 1926 Vol. III: 429; [Anonymous] 1969: 313; Dapper 1975: 162): кросс-культурные исследования показали, что для обществ, в которых полигамный брак является нормой, закономерно иметь жестко иерархическую (гомоархическую) систему социальных отношений и политических институтов на всех уровнях своей организации (Bondarenko, Korotayev 2000; Коротаев, Бондаренко 2001).

Каждая большая семья населяла домохозяйство, разделенное на резиденции малых семей — женатых мужчин с чадами и домочадцами. Даже в середине XX в. большие семьи обычно сохраняли экономическое (производственное и потребительское) единство (Bradbury 1957: 27–30). Большая семья являлась структурообразующим элементом общины бини и в социокультурном отношении. Именно она признавалась самодостаточной единицей на низшем уровне бытия социума (см.: Бондаренко 1995а: 136–139). Структурообразующая роль большой семьи становится особенно отчетливой, если вспомнить, что, помимо экономических интересов, ее единство базировалось на идеологических основаниях, таких как, например, большесемейные тотемические табу, передававшиеся из поколения в поколение (Dennett 1906: 231; Thomas 1915–1916; 1919–1920), и, конечно, в первую очередь культ предков (*эрха*), который также имел общесемейный характер.

Глава большой семьи (*одафен нойанва* или *одионмван*) мог происходить не из той же малой семьи, что его предшественник. В идеале это был старейший мужчина в большой семье как ближайший к общесемейным патрилинейным предкам, а потому способный наиболее успешно играть роль медиатора между ними и живущими (Bradbury 1957: 54–56; 1973: 156, 157, 160–164, 230–250). В обмен на службу ему всех членов домохозяйства он нес «моральное обязательство заботиться об их материальном и духовном благополучии» (Bradbury 1973: 155). Поддержание хороших отношений с предками — подателями урожая — было самым важным условием благополучия ныне живущих (и именно поэтому

одафен нойанва являлся главным отправителем их культа). Однако глава большой семьи выполнял и различные профанные функции. Это было столь же важно для стабильного существования коллектива, как и выполнение функций ритуальных. В частности, он координировал сельскохозяйственные работы на общесемейном уровне, разрешал возникавшие в семье споры на основе норм обычного права и т. д. Никто, кроме *одафен нойанва*, не мог представлять всю семью перед общиной (в лице общинного совета) даже в вопросах, затрагивавших только одну из входивших в нее малых семей (Thomas 1910a: 121; Egharevba 1949: 13–14; Bradbury 1957: 29; 1973: 156).

Таким образом, на уровне большой семьи профанные и ритуальные функции неизменно выполнялись одним лицом — *одафен нойанва*. В то же время существовал большесемейный совет (Sidahome 1964: 114), в который, очевидно, входили главы малых семей. Полного единовластия при господстве коллективистского типа личности и построении любых социальных отношений как связей между коллективами быть не могло.

Абсолютная легитимность институтов, организованных на принципах пола и возраста, в глазах членов общины была чрезвычайно важна для поддержания мира и порядка, в основном царивших в общине (см.: Бондаренко 1995a: 176–180): «Соблюдение принципа старшинства гарантирует подчинение власти, обеспечивает уважение к обычаю и традиции. В традиционном обществе уважение к власти старейшин и более широко — умение подчиняться прививается с раннего детства системой воспитания и нормами поведения» (Кочакова 1991: 19). Строгое соблюдение гендерных и возрастных ролей в семье рассматривалось бини как ключ к стабильности и благополучию их общества и всего мироздания. Роли же эти были распределены раз и навсегда согласно воле верховного божества Осанобуа. В конце XX в. бенинский принц Иро Эвека метафорически выразил это так: «...структура семьи аналогична естественному порядку гелиоцентрической вселенной: мужчина (отец) — это солнце, вокруг которого вращаются женщины (другие “планеты”), вокруг которых вращаются дети (“луны”）」 (Eweka 1998: 162).

При этом правила наследования социального статуса не были идентичны правилам передачи по наследству имущества. Последнее передавалось от отца сыновьям, но не одному, а всем, хотя старшему и должна была отойти бóльшая доля. Братья умершего, а также его сестры по материнской линии признавались законными наследниками только при отсутствии у него сыновей. В любом случае имущество должно было остаться в родственном коллективе покойного (Thomas 1910a: 64–89; Talbot 1926 Vol. III: 684; Ajisafe 1945: 26–27, 34, 95–96, 98–100; Egharevba 1949: 38–40, 77–78; Roth 1968: 97; Bradbury 1957: 15, 30, 46–47; 1964: 155–156; 1965: 98–99; 1973: 157–160, 276–279; Dapper 1975: 163, 164; Jones 1983: 42).

При наследовании же статуса складывалась иная ситуация (Bradbury 1973: 160–164). Поскольку именно наследование статуса — богатства социального — было особенно важно в обществе бини и наиболее тесно, напрямую оказывалось связано с культом предков и близостью человека к ним, в этом вопросе более архаические нормы передачи статуса не от отца к сыну, а от брата к брату проявляли особую устойчивость. Происходило своего рода разделение полномочий между братом и сыном умершего, в частности, первый обретал их (точнее, должен был обрести, что не всегда происходило в действительности (Bradbury 1973: 278–279) по отношению к сиблингам покойного, а второй — по отношению к его потомкам. И все же главное, что определяло высокий статус человека, — право и обязанность совершать ритуалы культа предков — получал сын. Таким образом, у бини не устоялось как безусловное правило наследования отцу только одним из сыновей. Фактически речь шла о том, чтобы младший по возрасту — сын покойного — был признан стоящим ближе к предкам, чем старший по возрасту — брат умершего, что в социальном плане вело бы к усилению связей внутри малой семьи в ущерб связям на уровне большой семьи. А это противоречило бы охарактеризованной выше общей ситуации в социуме бини.

Принцип старшинства, фундаментальный для большесемейного в своей основе коллектива, находил наиболее полное выражение в системе возрастных рангов (*оту*), игравшей очень большую роль во всех сферах бытия бини (Thomas 1910a: 11–12; Talbot 1926 Vol. III: 545–549; Bradbury 1957: 15, 32, 34, 49–50; 1969; 1973: 170–175; Usuanlele 2005: 260–261). Р. И. Брэдбери отметил систему возрастных рангов как одну из «основных характерных черт эдоязычных народов», их социально-политической организации (Bradbury 1957: 15; 1969). Через систему возрастных рангов сверху вниз осуществлялась трансмиссия культуры в самом широком смысле этого слова и — прежде всего — традиционных социальных норм, принципов и правил жизни в общине (Uwechue 1970: 146). Большие семьи формировали «горизонтальную» структуру общины, а возрастные ранги — «вертикальную», поскольку они одновременно объединяли членов всех семей и проводили границы внутри каждой из них. Если в делении общины на семьи находил выражение такой наиважнейший принцип ее организации, как родственность, то в разделении членов общины мужского пола на возрастные ранги проявлялся другой основополагающий принцип бытия общинной организации — половозрастной. Половозрастное разделение труда являлось залогом долговечности системы возрастных рангов (Кобищанов 1978: 248–253; 1982: 121–141).

В своем классическом, не искаженном в XIX–XX вв. виде (см.: Бондаренко 1995a: 292, прим. 19), система возрастных рангов бини состояла из трех степеней: младшей (*ипрогхэ*), средней (*игхеле*) и старшей (*эдион*). «*Ипрогхэ*, *игхеле* и *эдион* (форма ед. ч. соответствующих слов. — Д. Б.)

являются для эдо (то есть бини и других эдоязычных народов. — Д. Б.) тремя естественными стадиями жизни, через которые каждый мужчина, как полезный член общины, должен пройти» (Bradbury 1973: 172). Членами *ирогхэ* становились юноши, уже способные выполнять несложную, но, главное, полезную для всего общинного коллектива работу, например ухаживать за алтарями предков. Вступление в *ирогхэ* символизировало рождение человека как члена общества. В детско-юношеском социальном возрасте бини пребывал где-то с 15 до 30 лет. Затем происходил его переход в *игхеле* — ранг полноправных зрелых мужчин в возрасте примерно от 30 до 45–50 лет. Они выполняли основной объем работ на благо всей общины, включая работы земледельческие. Члены *игхеле* были и воинами. На них же возлагались обязанности исполнителей решений членов старшего возрастного ранга, включая глав общин, в управленческой и обычно-правовой сферах. *Эдион* составляли пожилые люди, освобожденные от физической работы, но трудившиеся в области руководства общиной и поддержания должных отношений с предками. Только члены *эдион* входили в совет общины, таким образом, обладая законной властью над всеми общинниками, включая членов младших возрастных рангов (Bradbury 1957: 16, 56; 1973: 243–244; Agheyisi 1986: 22, 39–40, 66, 67, 74; Eweka 1992: 83). Ведь именно старейшие члены общины, будучи ближе всех к предкам, могли выступать гарантами того, что никакие традиции не будут нарушены. Характер и форма институтов власти на общинном уровне были связаны с культом предков тем же образом, что и в семье, и столь же сильно, как в ней. Приверженность же традициям однозначно виделась главным условием благополучия коллектива (см.: Бондаренко 1995а: 81–89). Разделение обязанностей между возрастными рангами сохранялось не только в трудовые будни, но и во время празднеств (Bradbury 1973: 186, 207, 209).

Столкновения на почве принадлежности к разным возрастным рангам были редки и не представляли серьезной угрозы целостности общинного коллектива, сублимируясь в ритуальной сфере (Bradbury 1973: 184–185, 244). Имел место не конфликт, но логичное противоречие между членами *эдион* и *игхеле* — между теми, кто отправляет культ предков сегодня, и теми, кому со временем предстояло отправлять культ нынешних членов *эдион*.

Во главе каждого возрастного ранга стоит свой лидер — *окаиругхэ*, *окаиухеле* и *одионвере*. Они выдвигаются членами соответствующих рангов на основе старшинства, лидерских качеств и места в общине представляемых ими семей (но они необязательно происходят из семей своих предшественников). *Одионвере* также должен обладать харизмой, иметь статус местного уроженца и потомка первопоселенцев. Главы двух младших рангов руководят коллективными работами, выполняемыми их членами, и выступают посредниками между ними и старшим возрастным

рангом, в частности, наказывая своих социальных сверстников с разрешения членов *эдион* (Bradbury 1957: 32). *Одионвере* же возглавляет не только старший возрастной ранг, но и всю общину и ее совет.

У мужчин система возрастных рангов была, а у женщин — нет (Bradbury 1957: 32, fn. 14; 1973: 182). Таким образом, только мужчины имели выход на надсемейный уровень бытия коллектива, на котором и существовала система возрастных рангов. Институт возрастных рангов санкционировал систему общинного управления, строившуюся на основании близости группы мужчин к предкам-мужчинам.

Внутриобщинные отношения в целом были подобны внутрисемейным, но реализовывались на более высоком уровне социально-политической организации. Естественно, и функции главы общины были теми же, что у главы большой семьи, но выполнялись они на ином уровне: *одионвере* санкционировал прием в общину новых членов, представлял за весь коллектив, обеспечивал его связи с другими общинами, был главным хранителем и блюстителем традиций, судьей и т. д. (Bradbury 1957: 32–33; 1973: 176–179). Большое значение имела деятельность *одионвере* как распорядителя и блюстителя земельного фонда общины на правах потомка первопоселенцев, духи которых представлялись бини единственными подлинными и полновластными хозяевами общинных земель (Talbot 1926 Vol. II: 37–38, 308; Vol. III: 737; Nwankwo 1987: 47, 50). Частная земельная собственность не появилась у бини даже под влиянием европейцев, в том числе в колониальный период. *Одионвере* не имел собственнических прав на землю, а лишь следил за тем, чтобы участки общинной земли, выделенные большим семьям, не пребывали в запустении (в этом выражался общинный характер землевладения у бини). Причем в распоряжении его собственной семьи земли было не больше, чем у любой другой. *Одионвере* получал от общинников «дары», но они имели практически всецело престижно-ритуальную значимость (Talbot 1926 Vol. III: 914). Основой же материального благополучия главы старшего возрастного ранга и всей общины был труд членов его семьи.

Главная в понимании бини задача *одионвере*, от которой все остальные представлялись производными, также была тесно связана с его статусом потомка первопоселенцев. Он был призван обеспечивать неукоснительное соблюдение фундаментального «договора» между ныне живущими членами общины и предками. Согласно этому «договору», последние передают первым во владение землю и даруют урожай, а те обращаются с полученными благодеяниями разумно: прилежно занимаются земледелием, соблюдают нормы поведения, завещанные предками как способствующие поддержанию баланса между мирами людей и духов, и при этом не забывают регулярно благодарить их, совершая соответствующие ритуалы (Bradbury 1957: 32, 56). *Одионвере* выступал

как главный медиатор, точка соприкосновения миров общинников и духов их предков. Таким образом, изначально *одионвере* руководил и профанной, и ритуальной жизнью общины.

Одионвере выдвигался общинным советом, главой которого он после этого становился. В совет входили члены старшего возрастного ранга, представлявшие все большие семьи общины (Egharevba 1949: 13–14; Bradbury 1957: 29; 1973: 156). Совет осуществлял управление общиной, рассматривая под руководством своего главы все вопросы, находившиеся в ведении *одионвере*, за которым признавалось право решающего голоса (Dapper 1670: 492; Egharevba 1949: 11; Bradbury 1957: 32–34; 1973: 172, 179–180, 243; Sidahome 1964: 127; Uwechue 1970: 145).

Не исключено, что в управлении общиной участвовало и народное собрание. Сказать что-либо более определенное на этот счет трудно, поскольку реминисценции, связанные с возможно существовавшим в далеком прошлом народным собранием, сохранились лишь в праве членов совета общины обращаться к широкому кругу общинников за консультациями и, может быть, в единичных намеках устной традиции (Egharevba 1965: 15). Как косвенное подтверждение существования у бини в далеком прошлом народного собрания, вероятно, имеет смысл рассматривать его наличие еще в начале XX в. у многих менее сложно организованных в социально-политическом отношении этнических групп современной Южной Нигерии, включая некоторые близкородственные бини (Talbot 1926 Vol. III: 565).

Словом, геронтократический принцип доминировал в организации управления на большесемейном и общинном уровнях бытия бини. Единовластия в общине быть не могло, т. к. в основе управления ею лежала система возрастных рангов, вследствие чего целая группа людей — социальных сверстников — обладала правом и даже имела обязанность участвовать в руководстве жизнью всего общинного коллектива.

Образование у бини независимых локальных общин стало первым этапом процесса, который в итоге привел к возникновению королевства Бенин. Гетерогенная, но в своей основе большесемейная община оставалась социально-политическим, культурным, экономическим фундаментом бенинского общества и после сложения надобщинных институтов. Ее нормы в социально-политической сфере, присущие ее членам ментальность и картина мира в дальнейшем не просто пронизывали и связывали воедино все уровни сложного бенинского социума. Большесемейно-соседская община послужила матрицей, или моделью, в ходе последующей эволюции общества бини, хотя переход на более высокий уровень сложности социально-политической организации, естественно, сопровождался не только количественными, но и качественными изменениями во всех его подсистемах.

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНОГО ОБЩЕСТВА У БИНИ

Переход от простого общества к сложному начался у бини в середине I тыс. н. э. (Obayemi 1976: 256), когда в части общин произошло разделение верховной власти, ранее неизменно принадлежавшей одному человеку — *одионвере*, на ритуальную и профанную. Это привело к усложнению системы управления в части общин бини, а затем — к преодолению общинного уровня организации как предельного, то есть к сложению исторически первой из ставших в дальнейшем основных надсубстратных — надобщинных — форм общественной организации бини. Этой формой оказалось вождество — «автономная политическая единица, включающая в себя некоторое число деревень или общин, находящихся под постоянным контролем верховного вождя» (Carneiro 1981: 45). Появление вождеств привело к дальнейшей этнической консолидации бини, существенному усилению политической централизации, концентрации власти и иерархизации их общества. С образованием вождеств, каждое из которых объединило несколько общин, количество независимых социумов бини уменьшилось, но в то же время площадь и население вождеств были гораздо больше, чем у любой отдельной общины.

Устная традиция сообщает, что *эдионвере* (форма мн. ч. от *одионвере*) могли быть главами не только отдельных общин, но также их объединений еще до образования королевства (Egharevba 1952: 26; 1965: 12). Однако такой союз общин не был вождеством, т. к. он объединял на добровольной основе общины, остававшиеся независимыми и политически равными друг другу. Возглавлял союз старейший среди *эдионвере* входивших в него общин; это необязательно был представитель одной и той же общины из поколения в поколение. То есть в силу независимости и равенства общин — членов подобного союза в нем не существовало одной привилегированной, политически доминирующей общины. Выдающийся *одионвере* мог обрести значительную власть в возглавляемом им объединении общин, однако, как правило, он не имел никакой возможности гарантировать ее передачу представителю собственной общины и тем более своей семьи.

Становление вождеств было связано с появлением в части общин бини второго лидера, занятого делами мирскими, в первую очередь — военными. Существуют указания на то, что изредка наиболее могущественные *одионвере* могли предпринимать попытки подчинить себе соседние общины (Igbafe 1975: 2). В XX в. у бини зафиксировано небольшое количество общин, в которых власть *одионвере* наследовалась в рамках одной большой семьи, а не передавалась в пределах всего старшего возрастного ранга, хотя эти случаи вполне могут иметь позднее, относящееся уже ко временам существования королевства Бенин происхождение (Bradbury 1957: 33). И все же *эдионвере* оказались в принципе неспособны

обеспечивать своим общинам военные успехи в борьбе с соседями, хотя именно через достижения будущих вождей в военной сфере, очевидно, и пролегал путь к сложению вождеств. *Эдионвере* не могли проявлять себя в военной сфере не только в силу возраста, но и потому, что участие в боевых действиях предписывалось людям не их (старшего) возрастного ранга, а представителям среднего ранга *игхеле*. И это притом что боевые заслуги ценились исключительно высоко. К тому же *эдионвере* были слишком тесно связаны со своими родными общинами, неразрывно ассоциировались исключительно с ними и считались только их законными правителями как потомки предков членов именно данных общин. Стремление *эдионвере* к профанной власти подавлялось тем, что сакрально-ритуальные функции всегда рассматривались обществом как наиглавнейшие для них, тем более в общинах с разделением властей.

Большое значение имело и то, что за *эдионвере* стояла фундаментально важная для культуры бини крепкая традиция передачи власти не по наследству в своей семье, а по старшинству в пределах всей общины. На профанного же лидера, фигуру новую для тогдашнего общества бини, груз подобных традиций не давил. Ш. Н. Айзенштадт отмечал:

...чем больше значение возраста как критерия определения [социальной] роли, тем меньше вероятность того, что обладатели высоко ценимых ролей могут превратить их в наследственные титулы. Причина этого в том, что такое превращение должно было бы повлечь за собой получение общественного вознаграждения, которое сопутствует этим должностям в целях регулирования доступа к ним на протяжении нескольких поколений или, по крайней мере, до установления легитимности их передачи по наследству (Eisenstadt 1971: 69).

В силу указанных выше причин у бини вождества формировались только вокруг общин с разделением властей на ритуальную власть *эдионвере* и профанную, в первую очередь военную, власть *энигие* (форма ед. ч. *оногие*). Очевидно, *оногие* становился наиболее выдающийся и потому самый авторитетный воин (Eweka 1992: 83), способный затмить собой (если он им сам не являлся) *окаиэхеле* — главу среднего возрастного ранга, к которому воины принадлежали, и распространить свое неформальное влияние за его пределы. Наконец, в некоторых случаях таким людям удавалось формализовать свое влияние в закреплявшем его официальном титуле, становившемся затем наследственным в их больших семьях.

Так как военный лидер выявлялся именно среди членов *игхеле*, «...когда *оногие* умирает, старший сын автоматически наследует ему» (Sidahome 1964: 49; также см.: Bradbury 1957: 33). Это происходило даже тогда, когда функции *оногие* уже далеко не сводились к военным: ведь

к моменту смерти пожилого человека его старший сын обычно и состоял во втором возрастном ранге. В случае, когда *оногие* умирал, не оставив сыновей, титул переходил к старшему из его остававшихся на тот момент в живых братьев. Если же на момент смерти *оногие* его сын был еще ребенком, старший брат покойного становился регентом при наследнике (*эдайи*). Если *оногие* не оставлял после себя ни сыновей, ни братьев, титул наследовался другим родственником мужского пола; в этом вопросе нормы обычного права варьировали от общины к общине (Bradbury 1973: 164–165). Культ же предков главы вождества был подобен этому культу в любой семье и общине, однако он отправлялся на более высоком уровне религиозно-культурной и социально-политической иерархии (Bradbury 1973: 232; Eweka 1992: 162).

В привилегированной большой семье приоритет сына покойного перед братом в правилах наследования был гораздо определеннее, чем в обычной семье, и это касалось прежде всего вопроса о передаче власти профанного главы общины (и вождества). Неслучайно именно место собраний *игхеле* (а не *эдион*) доминирующей деревни являлось центром общественной жизни всего вождества (Obayemi 1976: 243). Так подрывалось положение геронтократического принципа управления как универсального в обществе бини.

Итак, разделение властей утверждалось исключительно в общинах, в которых возникло разделение больших семей на одну привилегированную и все остальные. *Оногие* всегда происходил из одной и той же семьи (в чем и заключалась ее привилегированность), тогда как *одионвере* мог представлять любую семью (Thomas 1910a: 12; Egharevba 1956: 6; Bradbury 1957: 33; 1973: 177–179).

Оногие мог привлекать рядовых общинников к земельным и строительным работам в свою пользу, получал подношения от глав подвластных ему общин (Bradbury 1973: 177, 180), но в большинстве случаев основным источником средств к существованию для *оногие*, как и для *одионвере*, оставался труд членов его семьи, так что образ жизни привилегированных больших семей обычно практически не отличался от образа жизни других семей (Bradbury 1973: 177–178). Отработки же общинников в пользу *оногие*, как и их подношения ему и *одионвере*, в условиях господства идеологии даро- и услугуобмена воспринимались как адекватная плата за выполнение возлагавшихся на них обязанностей: «Общий интерес и симпатия, ожидаемые от всех членов общины в случае неудачи одного из ее членов, находят полнейшее выражение в их отношении к *оногие*» (Bradbury 1973: 183).

Таким образом, хотя *одионвере* существует в каждой деревне бини по сей день, поддерживая отношения с предками членов общины и в связи с этим также осуществляя (совместно с другими членами *эдион* деревни) контроль над общинным землепользованием (Ajisafe 1945: 15; Bradbury

1973: 180), только носитель профанной власти — *оногие* — мог стать главой вождества (Bradbury 1957: 33; Egharevba 1960: 4). Он становился им в случае подчинения своей общине соседних и превращения собственной власти в наследственную. П. Диань, исследуя закономерности эволюции властных отношений в доколониальной Африке южнее Сахары, пришел к выводу, что наиболее существенная из них — оттеснение на второй план ритуальной главы — «хозяина земли» (*chef foncier*), «политическим лидером» (*chef politique*) (Diagne 1981). История становления вождеств у бини полностью соответствует этому заключению.

Иногда *одионвере* сохраняли за собой некоторые профанные функции, но они ни в коем случае не оказывались для него важнейшими, в отличие от *оногие*, сосредоточенного практически исключительно на профанных обязанностях. То есть иногда сферы компетенции *одионвере* и *оногие* могли пересекаться, и реальное разделение властей в конкретной деревне отчасти зависело от соотношения сил двух ее глав (Bradbury 1957: 33, 65, 73–74). Подобная ситуация могла сложиться только на уровне общины, т. к. *одионвере* деревни *оногие* чаще всего не обладал достаточным влиянием за ее пределами, во всем вождестве.

Однако следует отметить, что немало общин без разделения властей не вошли в состав какого-либо вождества. Независимые общины, как и их добровольные союзы на равноправной основе, существовали параллельно с вождествами, когда уровень вождества был предельным для бини, то есть до сложения у них единого политического образования — Бенинского королевства Первой династии (*огисо*), видимо, на рубеже I и II тыс. (Bradbury 1957: 34; Бондаренко 1995а: 164–173, 184–185; 1995б: 140–142).

Во второй половине I тыс. н. э. вождество превзошло по степени распространенности в Биниленде союз независимых равноправных общин, и его роль в дальнейших социополитических и исторических судьбах бини оказалась несравнимо более важной. Решающее значение здесь имели два фактора: гомоархический (жестко иерархический) характер основанной на большой семье общины (ярко проявившийся в ее «пирамидальной», или «конической», структуре) и преимущественно немирный характер процесса превращения простых обществ в компоненты сложного (см.: Bondarenko 1999: 24–26).

Сама же возможность повышения уровня социополитической интеграции путем объединения соседних общин в вождества создавалась развитием земледелия — ростом его производительности на основе новых технологий. Их появление благодаря внедрению в середине I тыс. н. э. железа привело к повышению численности и плотности населения (Connah 1975: 242; 1987: 141–145; Obayemi 1976: 257–258; Darling 1981: 107, 111, 114–118; 1984 Pt. 2: 302; Shaw 1984: 155–157). Рост же численности и плотности населения, в свою очередь, обострил борьбу

за природные ресурсы, прежде всего за важнейший из них — землю, и в регионе активизировалась военная деятельность.

Борьба за ресурсы необязательно принимает военный характер, однако в данном случае для этого имелись и социально-экономические, и историко-политические предпосылки. Как отмечалось выше, особенности природной среды обуславливали такой тип экономики бини, при котором нормой являлась комбинация регулярной расчистки новых земель, расширения занятых под посевами территорий и увеличения пустоши. В результате «еще до первых контактов с Европой западноафриканские земледельцы вырубали обширные лесные территории и заняли их под посевы и залежь» (Morgan 1959: 48; также см.: von Hellermann 2010). Логично, что развитие такого типа аграрного производства не только консервировало соседско-большесемейную земледельческую общину, но, даже несмотря на отсутствие острого земельного голода, вело к конфликтам между соседними общинами из-за земли. Исключительно большую роль в нарастании военной активности в регионе сыграло и начало использования железа (см.: Bondarenko 1999: 25–26).

Социополитическая ситуация, сложившаяся в регионе в то время, также являлась очевидной предпосылкой объединения общин бини немирным путем в вождества. Бини были вынуждены делить территорию с ее первопоселенцами, именовавшимися эфа (Bondarenko, Roesse 1998b). Вероятно, эфа проживали на этих землях уже 5000 лет назад: к этому времени относятся первые свидетельства присутствия там людей (Connah 1975: 247–248). Возможно, эфа появились в тех краях даже гораздо раньше, поскольку в более обширной области лесной зоны, частью которой является Биниленд, древнейшие следы пребывания людей (на археологическом комплексе Ихэ Элеру всего примерно в 140 км от «сердца» Биниленда — города Бенин-Сити) датируются временем 11700–16300 лет назад (Harvati et al. 2011; Cerasoni et al. 2023a; 2023b). По всей видимости, эфа составляли часть суперэтнического образования, включавшего некоторое число родственных народов: следы пребывания первопоселенцев обнаружены в различных районах лесной зоны Верхней Гвинеи, и память о них под разными названиями сохраняется у современных народов (см.: Бондаренко 2001: 118–119). Жизнь бок о бок бини и первопоселенцев эфа с их естественными претензиями на превосходство над пришельцами не могла не провоцировать конфликты между ними.

Ко времени прихода предков бини общества эфа и других первопоселенцев региона, вероятно, были простыми общинными, то есть люди объединялись в локальные общины и каждая община сохраняла полную независимость. Эти народы занимались ручным земледелием, о чем свидетельствует устойчивый, постоянный характер их поселений (Esan 1960: 75; Agiri 1975: 166). Область, частью которой является Биниленд,

была населена земледельцами уже в позднем каменном веке (Alabi 2005; von Hellermann 2010). В ходе миграций внутри лесной зоны во второй половине I тыс. н. э. бини, очевидно, силой подчинили эфа, превратив этнокультурные различия между собой и ими также в социально-политические: эфа заняли нижние ступени социальной лестницы, а бини — верхние (хотя позже в королевстве Бенин потомки эфа и получили несколько значимых, в том числе политически, жреческих титулов (см.: Eweka 1992: 74; Bondarenko, Roese 1998b: 24–25; Бондаренко 2001: 110–112). В конце концов, отчасти благодаря смешанным бракам, но главным образом оказывая культурное воздействие вследствие престижного характера культуры элиты, бини ассимилировали эфа (Connah 1969a: 54–55; 1969b: 48).

В то же время есть свидетельства, заставляющие полагать, что процесс объединения общин бини протекал мирно (Igbafe 1975: 2–3; Obayemi 1976: 242; Connah 1987: 136; 2001: 162; Eweka 1989: 11). Противоречия здесь нет, и ситуация у бини вполне согласуется с положениями концепции вождества Р. Л. Карнейро в ее окончательной модификации (Carneiro 1998; 2012). Согласно ей военная деятельность играет решающую роль при объединении общин в вождество, но эта деятельность направлена не на сами включаемые в вождество общины, а на внешний по отношению к ним мир. Иначе говоря, хотя вооруженные конфликты сопровождают вождество на всем протяжении его существования, неверно видеть в нем результат прямого насильственного подчинения группы общин сильнейшей из них под предводительством военного вождя (Beliaev et al. 2001: 399–401). Гораздо больше оснований считать, что во многих случаях объединение нескольких общин было в целом мирным, но вступали они в союз ради более эффективного военного противостояния другим общинам или группам общин. Это подтверждает и устная традиция бини (Eweka 1989: 11). Очевидно, что эфа вполне могли стать для них таким раздражителем. Можно предположить, что там, где несколько общин бини соседствовали, они имели возможность объединяться; общины же, изолированные от других общин бини вследствие окруженности общинами эфа, были вынуждены оставаться вне вождеской организации.

К более тесному сплочению политических союзников — общин бини, объединившихся для борьбы с эфа, — вело и установление прочных экономических связей между ними в виде редиистрибутивных отношений вследствие интенсификации обмена (Ebohon 1972: 60). Этому способствовали характерные для областей тропических лесов диверсифицированность природной среды и, следовательно, комплементарность ресурсов, которыми располагали населявшие его общества (Сое 1961; Shaw 1984: 156–157). С учетом же социальной функции обмена в архаических обществах можно говорить о том, что интенсификация обмена между общинами — политическими союзниками вела к их

превращению и в социоэкономический комплекс, который, возможно, уже и сам по себе нуждался в учреждении верховного координирующего или руководящего органа.

Однако объединение независимых общин для борьбы с общими врагами еще не являлось вождеством, поскольку в нем отсутствовала иерархия общин, воплощенная в фигуре наследственного вождя всего социально-политического образования. Часть союзов общин бини так и не трансформировалась в вождества. В других же случаях наследственный лидер, *оногие*, появлялся у группы общин в ходе ее борьбы с врагами спонтанно, подтвердив свои претензии на верховное руководство всем образованием военной доблестью. Так как в военное время именно с нею связаны наиболее ценимые добродетели, такой герой становился самой популярной фигурой в группе общин. Сначала все общины союза признавали его своим военным вождем, и лишь затем он начинал также контролировать отношения внутри группы общин. Теперь *оногие* разрешал межобщинные споры, созывал совет вождества, председательствовал на его собраниях и т. д. (Bradbury 1957: 34; Connah 2004: 126). В итоге он превращал свой титул в наследственный, а свою общину — в общину с разделением властей, привилегированную (подобно тому как большая семья *оногие* оказывалась в исключительном положении в своей общине). Это и был момент возникновения иерархии общин, то есть сложения вождества.

Совет вождества по своим структуре и функциям был подобен советам большой семьи и общины, но существовал на более высоком уровне социально-политической сложности. Помимо *оногие*, в него входили *эдионвере* и другие члены *эдион* составлявших вождество общин (Egharevba 1949: 11; Sidahome 1964: 100, 158, 164). Поскольку вождество воспроизводило на надлокальном уровне большесемейно-соседскую общинную социокультурную модель (матрицу) с ее институтами управления, единовластия не было и не могло быть и на этом уровне сложности социума бини; важнейшую роль в управлении вождествами, как и деревнями-общинами, играли члены старшего возрастного ранга (Bradbury 1957: 16), несмотря на то что к нему не принадлежали *энигие*.

Итак, есть основания полагать, что вождества появились у бини в результате в целом мирного объединения общин в ходе завершившейся победоносно борьбы с эфа за землю. Впрочем, позже или даже в то же самое время вождества бини вполне могли противостоять и друг другу (Darling 1988: 129).

В прямой связи с образованием вождеств находился и процесс урбогенеза в Биниленде. Неслучайно его начало практически совпало со временем бурного роста вождеств. Подъем вождеств явился и предпосылкой, и одной из составляющих процесса градообразования, будучи порождением отчасти тех же самых факторов и условий, в частности демографического роста и объединения земледельческих общин (Obayemi 1976: 242;

Shaw 1976: 59; 1984: 155; Connah 1987: 144–145; Ogundiran 2005: 152–154). Как и в других регионах субсахарской Африки, в Биниленде «... крупные поселения... возникали... в I тыс. н. э. в оседлых, использовавших железо обществах со смешанным сельским хозяйством» (LaViolette, Fleisher 2005: 327). Вождествами изначально и являлись ранние протогородские центры бини, в том числе будущая столица королевства Бенин — Бенин-Сити (Connah 1966: 23; 1969a: 55; 1975: 242–243; Igbafe 1975: 2–3; Onokerhoraye 1975: 296–298; Akinjogbin, Adediran 1985: 46; Darling 1988: 127–129; Aisien 1995: 58–60; Бондаренко 1995b: 145–147; Bondarenko 1999; Sandomirsky 2005: 132; Usuanlele 2005: 261).

В начале II тыс. у бини насчитывалось не менее 130 вождеств (Obayemi 1976: 242), тяготевших к тому или иному из примерно десяти протогородских центров (Onokerhoraye 1975: 297; Darling 1988: 127). Протогородские поселения вели борьбу друг с другом за роль центра притяжения для большинства (если не всех) бини, и в итоге победу в ней одержал Бенин-Сити (Talbot 1926 Vol. I: 153, 156–157; Egharevba 1949: 90; 1960: 11–12, 85). Обнаруживаемые по всему Биниленду земляные валы именуются, как и общины, *ийя*, однако окольцовывали они не только общины, но и вождества (Connah 1975: 237–242; Obayemi 1976: 242; Darling 1984 Pt. 1: 119–124, 130–142; 1988: 127).

П. Дарлинг нанес на карту более 16 000 км валов, окружавших более 500 поселений на площади в 6 500 кв. км (Darling 1984). Это «самые значимые и поистине грандиозные земляные работы во всей Африке...» (Schmidt 2006: 32). Важно отметить, что археологи и историки, в противоположность устной традиции бини, полагают, что «земляные укрепления такого рода, вероятно, имели больше отношения к разграничению земель для сельскохозяйственных и других целей, чем к формальной защите, и (как и многие другие ограждающие сооружения) могли также играть роль символов статуса» (Connah 1997: 458–459; также см.: Connah 1967; Aisien 1995: 67; Usuanlele 2005: 261). Это можно интерпретировать как признаки ненасильственного характера интеграции общинных поселений в вождества в ходе их совместной борьбы с внешними врагами, с одной стороны, и сохранения ими внутренней автономии в рамках социально-политической системы вождеств — с другой.

Вождества Идогбо (Ийеваре) и Окхунмвун (Ийек' Узелу), исследованные археологически П. Дарлингом (Darling 1984 Pt. 1: 119–124, 130–142), можно рассматривать как классические образцы вождеств бини. Первый случай, по мнению ученого, показателен для фазы «возникновения мелких вождеств». Идогбо состояло из шести деревень, занимавших 6 кв. км, огороженных валом (*ийя*), внутри которого сохранялись валы и рвы вокруг отдельных деревень. П. Дарлинг обращает особое внимание на то, что наличие *ийя* способствовало умиротворению соседних общин

и их объединению в вождество в борьбе за землю. В то же время *ийя* могли быть очень полезны и в случае необходимости защищать вождество от внешних врагов (также см.: Darling 1984 Pt. 2: 303–307). Все поселения внутри внешнего *ийя*, безусловно, признавали верховенство деревни Идогбо. Исторические традиции и самого Идогбо, и всех других общин сконцентрировавшегося вокруг него вождества единодушно утверждают, что центральная деревня возникла внутри первоначального вала в додинастический период и называлась тогда Эдогбо, что означает «сосед». Последующая эволюция вождества Идогбо в додинастические времена была, по всей вероятности, связана с нарастанием давления населения на огороженную *ийя* территорию, поскольку большинство кварталов деревни, возведших первоначальный вал и ров, очевидно, позднее отделились от нее и стали ядрами новых поселений, вокруг которых возводились новые земляные ограждения. В итоге это вождество заняло территорию по меньшей мере в 24 кв. км.

Другое вождество, Окхунмвун, рассматривается П. Дарлингом как «могущественное небольшое вождество». Его образовывали семь деревень на площади в примерно 17 кв. км с общим населением 1 120–1 750 человек. Археологу также удалось показать, что отдельные деревни в составе Окхунмвун были экзогамны, а вождество в целом — эндогамно. Возможно, Идогбо демонстрирует тип вождества, характерный именно для додинастической эпохи, тогда как Окхунмвун типичен для времени Первой династии. По П. Дарлингу, 1 500 человек как раз и есть приблизительная численность населения, достаточная для инициирования возведения *ийя*. То есть в большинстве случаев полутора тысяч человек оказывалось достаточно для завершения процесса, приводившего к конституированию группы общин как вождества. В частности, Окхунмвун возник в результате увеличения количества проживающих на данной территории людей. Это было вызвано давлением населения вследствие прихода мигрантов, с одной стороны, и его естественного роста — с другой.

Наиболее ранние из исследованных *ийя* датируются временем не позднее VII–IX вв., а П. Дарлинг допускает, что они восходят к еще более отдаленному периоду — вплоть до IV в. н. э. (Darling 1981: 115; 1984 Pt. 2: 302, 307, 336–337), хотя последняя дата кажется слишком ранней с учетом хода в регионе как неолитической, так и металлургической революций. Однако показательно, что расцвет систем *ийя* пришелся на времена расцвета вождеств — до прихода к власти Второй династии (Darling 1981: 115; 1984 Pt. 2: 307; 1988: 129–131; Keys 1994: 13; Omoregie N. d.). Археологические данные свидетельствуют, что в регионе, населенном бини и их соседями, «...огороженные деревни начали объединяться в крупные политии с институционализированными иерархиями, социальной дифференциацией и социально-экономической специализацией в период от ок. 800 до 1200 гг. н. э...» (Ogundiran 2005: 149; также см.: McIntosh and

McIntosh 1988: 121–122; Darling 1997; Lasisi 2017). Возникнув в додинастический период, вождества доминировали в политическом ландшафте Биниленда в эпоху Первой династии (ок. X–XII вв.), когда владения *огисо* представляли собой объединение вождеств — составное вождество (Бондаренко 2001: 72–117, 123–135). В правление Второй династии — *оба* (ок. XIII–XIX вв.) — вождества были интегрированы в территориальную и административную структуру королевства Бенин, образуя один из уровней его социально-политической сложности (Бондаренко 1995б; Bondarenko 2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В возникновении социально-политической сложности у бини можно проследить диалектику войны и мира. Пример подъема вождеств у этого народа убедительно показывает, что вести дискуссию о путях появления социально-политической сложности в рамках жесткой дихотомии «военный vs мирный» совершенно непродуктивно. Дискуссия в таких категориях необоснованно упрощает и в конечном счете искажает суть вопроса. Принуждение и добровольность как способы интеграции социальных единиц дополняют друг друга уже в простых (сегментарных) обществах (Middleton, Tait 1970: 19–30). Что же касается вождеств, то анализ процесса их становления в различных регионах мира показывает, что соотношение между его военным (насильственным) и мирным (добровольным) компонентами могло быть неодинаковым в разных конкретных случаях (Claessen 2011). Противоположность и одновременно сочетание военного и мирного способов политической интеграции обнаруживают себя, по-разному разрешаются и принимают различные формы на всех уровнях сложности во всем мире на всем протяжении истории до наших дней, в том числе в формировании государств — от древних до современных (в отношении Африки см., в частности: Reid 2012).

Также обнаруживается дуализм профанного (политического, в том числе военного) и сакрального (ритуального) видов власти и институтов, их воплощающих. Этот дуализм нашел выражение в разделении власти между *оногие* и *одионвере* в части деревень бини в период появления у них социально-политической сложности. Вопрос о взаимодействии светского и сакрального видов власти, их сравнительной значимости становится центральным для любого исследователя культур доколониальной Африки. На протяжении всей истории африканских сложных обществ противоречие между двумя видами власти в разных случаях находило разные решения с точки зрения как динамики соотношения между ними, так и их институционального воплощения. Однако практически всегда «африканский правитель для своего народа не просто человек, который может навязать ему свою волю. Он — ось их политических отношений, символ

их единства и исключительности, воплощение их основных ценностей» (Fortes, Evans-Pritchard 1940: 16). У бини после дальнейшего усложнения социально-политической организации, приведшего к образованию королевства Бенин, верховные правители (в особенности правители Второй династии) претендовали на выполнение важнейших и политических, и ритуальных функций. Контрроверза профанного и сакрального видов власти приобрела в Бенине форму борьбы между верховным правителем и несколькими советами знати — титулованных вождей. Эта борьба завершилась в начале XVII в. практически полной потерей верховными правителями профанной власти, которая с тех пор окончательно перешла к советам титулованных вождей. В то же время *оба* обратно пропорционально потере профанной власти сконцентрировали в своих руках колоссальную сакральную власть, которая в контексте бенинских культуры и общества была не менее реальным средством воздействия на поведение подданных.

История появления социально-политической сложности у бини может помочь прояснить еще одно противоречие в автохтонных политических системах Африки, отмеченное в предыдущем абзаце, — между институтами индивидуальной и коллективной власти. Рассматривая принципы, на которых основывалось управление вождеством — первой из основных форм сложного общества у бини, мы должны повторить, что природа общины, воспроизводившаяся в общинной по своей сути матрице вождества, не допускала единовластия. Этот вывод можно с полным правом распространить за пределы раннего общества бини и вождества как типа социума — практически на все доколониальные общества субсахарской Африки, включая ранние государства. Некоторые современные африканисты даже видят в превалировании коллективных (консенсуальных) способов политического контроля над индивидуальными (принудительными) специфическую, едва ли не уникальную, особенность власти в доколониальных африканских обществах (Fleisher, Wynne-Jones 2010: 178, 185–186). Баланс между принудительной авторитарной властью вождя или короля, с одной стороны, и консенсуальной властью коллективных органов управления (советов старейшин или знати), с другой стороны, был разным в различных обществах и в одном обществе в разные периоды его истории, но фактически никогда силы принуждения не устраняли полностью силы консенсуса. Во многих африканских сложных обществах роль коллективных институтов управления была не просто ощутимой, а очень большой, иногда — решающей. Сочетание индивидуальной и коллективной власти придавало легитимность административным институтам и всей политической системе в глазах населения, в частности потому, что коллективные органы управления воспринимались как ограничители и контролеры обладателей индивидуальной власти, выполняющие эту функцию от имени народа и во имя его блага.

Итак, необходимо особо отметить, что противоречия и балансы, центральные для сложных обществ, вплоть до современных национальных государств и транснациональных политических систем, имеют сущностное значение для самого процесса усложнения социально-политической организации, т. к. они составляют его жизненно важные аспекты с самой ранней стадии — с момента, когда социально-политическая сложность только начинает возникать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко Д. М. Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть. М.: Ин-т Африки РАН, 1995а. 339 с.

Бондаренко Д. М. Вождества в доколониальном Бенине // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / под ред. В. А. Попова. М.: Наука, 1995б. С. 140–152.

Бондаренко Д. М. Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М.: Ин-т Африки РАН, 2001. 350 с.

Дайк К. О. (Онвука Дике). Бенин — средневековое государство Нигерии // Курьер ЮНЕСКО. 1959. № 10. С. 13–14.

Кобищанов Ю. М. Системы общинного типа // Община в Африке: проблемы типологии / под ред. С. А. Токарева. М.: Наука, 1978. С. 133–260.

Кобищанов Ю. М. Мелконатуральное производство в общинно-кастовых системах Африки. М.: Наука, 1982. 264 с.

Кортаев А. В., Бондаренко Д. М. Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / под ред. В. А. Попова. СПб.: МАЭ РАН, 2001. Вып. 7. С. 173–186.

Кочакова Н. Б. Геронтократия. Возрастной принцип получения власти // Механизмы политической власти в странах Западной Африки / под ред. Л. В. Гевелинга. М.: Ин-т Африки РАН, 1991. С. 17–25.

Следзевский И. В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура // Община в Африке: проблемы типологии / под ред. С. А. Токарева. М.: Наука, 1978. С. 61–132.

Уиллетт Ф. Нигерия // Железный век Африки / под ред. П. Л. Шинни. М.: Наука, 1982. С. 5–29.

Шницерльман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии) // Советская этнография. 1982. № 2. С. 26–39.

Adekola K. O. Agriculture beginnings in West Africa: A re-evaluation of the evidence // Anistoriton. 2010–2011. Vol. 12. P. 1–9. URL: www.anistor.gr/english/enback/2011_2v_Anistoriton.pdf (дата обращения: 06.06.2024).

Agheyisi R. N. An Edo-English dictionary. Benin City: Ethiop Publishing Corporation, 1986. 169 p.

Agiri B. A. Yoruba oral tradition with special reference to the early history of Oyo. Yoruba oral tradition: Selections from the papers presented at the seminar on Yoruba oral tradition,

poetry in music, dance and drama / ed. by W. Abimbola. Ibadan: Ife University Press, 1975. P. 157–197.

Aisien E. Benin City: The Edo state capital. Benin City: Aisien Publishers, 1995. 117 p.

Ajisafe A. K. Laws and customs of the Benin people. Lagos: Kash and Klare Bookshop, 1945. 101 p.

Akinjogbin I. A., Adediran B. Pre-colonial Nigeria: West of the Niger // Nigerian history and Culture / ed. by R. Olaniyan. Harlow: Longman, 1985. P. 35–55.

Akpata O. Marriage customs in Benin // Edo College Magazine. 1959. No. 10. P. 21–22.

Alabi R. A. Late Stone Age technologies and agricultural beginnings // Pre-colonial Nigeria. Essays in honor of Toyin Falola / ed. by A. Ogundiran. Trenton, NJ; Asmara: Africa World Press, 2005. P. 87–104.

[*Anonymous*]. A short account of the things that happened during the mission to Benin, 1651–1652 // Ryder A. F. C. Benin and the Europeans. 1485–1897. London; Harlow: Longman, 1969. App. 2. P. 309–315.

Beliaev D. D., Bondarenko D. M., Korotayev A. V. Origins and evolution of chiefdoms // Reviews in Anthropology. 2001. Vol. 30. P. 387–409.

Bondarenko D. M. The Rise of chiefdoms and urbanization process among the Edo (late 1st — early 2nd millennia AD) // Африка: общества, культуры, языки (Традиционный и современный город в Африке) / под ред. И. В. Следзевского, Д. М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН, 1999. С. 23–32.

Bondarenko D. M. The Benin Kingdom (13th–19th centuries): Megacommunity as socio-political system // The evolution of social institutions: Interdisciplinary perspectives / eds by D. M. Bondarenko, S. A. Kowalewski, D. B. Small. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 337–357.

Bondarenko D. M., Korotayev A. V. Family size and community organization: A cross-cultural comparison // Cross-Cultural Research. 2000. Vol. 34, no. 2. P. 152–189.

Bondarenko D. M., Roese P. M. Pre-dynastic Edo: The independent local community government system and socio-political evolution // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1998a. Vol. 39, no. 3. P. 367–372.

Bondarenko D. M., Roese P. M. The Efa: Mysterious aborigines of Edoland // Африка: общества, культуры, языки (Взаимодействие культур в процессе социально-экономической и политической трансформации местных обществ. История и современность) / под ред. И. В. Следзевского, Д. М. Бондаренко. М.: Ин-т Африки РАН, 1998b. С. 18–26.

Bondarenko D. M., Roese P. M. Benin prehistory. The origin and settling down of the Edo // Anthropos. 1999. Vol. 94, no. 4–6. P. 542–552.

Bradbury R. E. The Benin Kingdom and the Edo-speaking peoples of South-Western Nigeria. London: International African Institute, 1957. 212 p.

Bradbury R. E. The historical uses of comparative ethnography with special reference to Benin and the Yoruba // The historian in Tropical Africa / eds by J. Vansina, R. Mauny, L. V. Thomas. London: Oxford University Press, 1964. P. 145–164.

Bradbury R. E. Father and senior son in Edo mortuary ritual // African systems of thought / eds by M. Fortes, G. Dieterlen. London: International African Institute, 1965. P. 97–115.

Bradbury R. E. Patrimonialism and gerontocracy in Benin political culture // *Man in Africa* / eds by M. Douglas, P. Kaberry. London: Tavistock, 1969. P. 17–36.

Bradbury R. E. Benin studies. London: Oxford University Press, 1973. 316 p.

Carneiro R. L. The chiefdom: Precursor of the state // *The transition to statehood in the New World* / eds by G. D. Jones, R. R. Kautz. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.

Carneiro R. L. What happened at the flashpoint? Conjectures on chiefdom formation at the very moment of conception // *Chiefdoms and chieftaincy in the Americas* / ed. by E. M. Redmond. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1998. P. 18–42.

Carneiro R. L. The circumscription theory: A clarification, amplification, and reformulation // *Social Evolution and History*. 2012. Vol. 11, no. 2. P. 5–30.

Cerasoni J. N., Hallett E. Y., Orijemie E. A., Ashastina K., Lucas M., Farr L., Höhn A., Kiahtipes C. A., Blinkhorn J., Roberts P., Manica A., Scerri E. M. L. Human interactions with tropical environments over the last 14,000 years at Iho Eleru, Nigeria // *iScience*. 2023a. Vol. 26, no. 3 (106153). P. 1–19. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589004223002304> (дата обращения: 22.06.2024).

Cerasoni J. N., Orijemie E. A., Hallett E. Y., Farr L., Scerri E. M. L. Ihò Eléérú [Iwo Eleru], Nigeria // *Handbook of Pleistocene archaeology of Africa: Hominin behavior, geography, and chronology* / eds by A. Beyin, D. K. Wright, J. Wilkins, D. I. Olszewski. Cham: Springer, 2023b. P. 915–925.

Claessen H. J. M. On chiefs and chiefdoms // *Social Evolution and History*. 2011. Vol. 10, no. 1. P. 5–26.

Coe M. D. Social typology and tropical forest civilizations // *Comparative Studies in Society and History*. 1961. Vol. 4, no. 1. P. 65–85.

Connah G. Summary on research in Benin City and in Bornu // *West African Archaeological Newsletter*. 1966. No. 5. P. 22–25.

Connah G. New light on the Benin City walls // *Journal of the Historical Society of Nigeria*. 1967. Vol. 3, no. 3. P. 593–609.

Connah G. Benin // *Lectures on Nigerian prehistory and archaeology* / ed. by T. Shaw. Ibadan: Ibadan University Press, 1969a. P. 54–61.

Connah G. Ife // *Lectures on Nigerian prehistory and archaeology* / ed. by T. Shaw. Ibadan: Ibadan University Press, 1969b. P. 47–53.

Connah G. Archaeology in Benin // *Journal of African History*. 1972. Vol. 13, no. 1. P. 26–37.

Connah G. The archaeology of Benin. Excavations and other researches in and around Benin City, Nigeria. Oxford: Clarendon Press, 1975. 266 p.

Connah G. African civilizations: Precolonial cities and states in Tropical Africa. An archaeological perspective. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1987. 272 p.

Connah G. Development of states in sub-Saharan Africa // *Encyclopedia of precolonial Africa: Archaeology, history, languages, cultures, and environments* / ed. by J. O. Vogel. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1997. P. 457–461.

Connah G. African civilizations: An archaeological perspective, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 358 p.

Connah G. Forgotten Africa: An introduction to its archaeology. London; New York: Routledge, 2004. 208 p.

Dapper O. Umständliche und eigentliche Beschreibung von Afrika. Amsterdam: Van Meurs, 1670. 695 S.

Dapper O. Benin at the height of its power [Excerpt from: *Neurige Beschrijvinge der Afrikaensche Gewesten*] // *The Nigerian perspectives: An historical anthology* / ed. by T. Hodgkin. London: Oxford University Press, 1975. P. 159–173.

Darling P. J. A change of territory: Attempts to trace more than a thousand years of population movements by the Benin and Ishan peoples in Southern Nigeria // *African historical demography* / eds by C. Fyfe, D. McMaster. Edinburgh: Centre of African Studies, 1981. Vol. 2. P. 105–120.

Darling P. J. Archaeology and history in Southern Nigeria: The ancient linear earthworks of Benin and Ishan. Oxford: British Archaeological Reports, 1984. Pts. 1–2. 556 p.

Darling P. J. Emerging towns in Benin and Ishan (Nigeria) AD 500–1500 // *State and society: The emergence and development of social hierarchy and political centralization* / eds by J. Gledhill, B. Bender, M. T. Larsen. London: Unwin Hyman, 1988. P. 121–136.

Darling P. J. A legacy in earth: Ancient Benin and Ishan, Southern Nigeria // *Historical archaeology in Nigeria* / ed. by K. Wesler. Trenton, NJ: Africa World Press, 1997. P. 143–197.

Dennett R. E. At the back of the black man's mind or notes on the kingly office in West Africa. London; New York: Macmillan and Co., 1906. 288 p.

Diagne P. Le pouvoir en Afrique // *Le concept de pouvoir en Afrique* / éd. par P. Diagne. Paris: Les Presses de l'UNESCO, 1981. P. 28–55.

Ebohon O. Cultural heritage of Benin. Benin City: Midwest Newspaper Corporation, 1972. 151 p.

Egharevba J. U. Benin law and custom. Port Harcourt: Niger Press, 1949. 120 p.

Egharevba J. U. The city of Benin. Benin City: Agebor Press, 1952. 27 p.

Egharevba J. U. Bini titles. Benin City: Kopin-Dogba Press, 1956. 46 p.

Egharevba J. U. A short history of Benin. 3rd ed. Ibadan: Ibadan University Press, 1960. 101 p.

Egharevba J. U. Chronicle of events in Benin. Benin City: Kopin-Dogba Press, 1965. 52 p.

Eisenstadt S. N. Social differentiation and stratification. Glenview, IL; London: Scott, Foresman and Company, 1971. 248 p.

Esan O. [Correspondence, "Before Oduduwa"] // *Odù*. 1960. No. 8. P. 75–76.

Eweka E. B. The Benin monarchy (origin and development). Benin City: Bendel Newspapers Co., 1989. 40 p.

Eweka E. B. Evolution of Benin chieftaincy titles. Benin City: Uniben Press, 1992. 263 p.

Eweka I. Dawn to dusk: folk tales from Benin. London; Portland, OR: Frank Cass, 1998. 183 p.

Fleisher J., Wynne-Jones S. Authorisation and the process of power: The view from African archaeology // *Journal of World Prehistory*. 2010. Vol. 23, no. 4. P. 177–193.

Fortes M., Evans-Pritchard E. E. Introduction // *African political systems* / eds by M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard. Oxford: Oxford University Press, 1940. P. 1–23.

Gallwey H. L. Journeys in the Benin country, West Africa // *Geographical Journal*. 1893. Vol. 1, no. 2. P. 122–130.

Harvati K., Stringer C., Grün R., Aubert M., Allsworth-Jones P., Folorunso C. A. The Later Stone Age calvaria from Iwo Eleru, Nigeria: morphology and chronology // *PLoS ONE*. 2011. Vol. 6, no. 9 (e24024). P. 1–8. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0024024> (дата обращения: 22.06.2024).

Hellermann P. von Was Benin a forest kingdom? Attempting to reconstruct landscapes in Southern Nigeria // *West African archaeology: New developments, new perspectives* / ed. by P. Allsworth-Jones. Oxford: Archaeopress, 2010. P. 93–102.

Hellermann P. von Things fall apart? The political ecology of forest governance in Southern Nigeria. Oxford; New York: Berghahn, 2013. 206 p.

Igbafe P. A. Tradition and change in Benin marriage system // *Nigeria Journal of Economic and Social Studies*. 1970. Vol. 12, no. 1. P. 73–102.

Igbafe P. A. Benin in the precolonial era // *Tarikh*. 1975. No. 5. P. 1–16.

Jones A. German sources for West African history 1599–1669. Wiesbaden: Franz Steiner, 1983. 417 p.

Keys D. Digging in the dirt // *The Independent*. 1994. 25th Jan. P. 13.

Lasisi O. History of archaeological research in the Yoruba-Edo region of Nigeria: New directions for urban earthen works // *West African Journal of Archaeology*. 2017. Vol. 47, no. 1–2. P. 169–201.

LaViolette A., Fleisher J. The archaeology of sub-Saharan urbanism: Cities and their countrysides // *African archaeology: A critical introduction* / ed. by A. B. Stahl. Malden, MA: Blackwell, 2005. P. 327–352.

Legogie C. K. Marriage customs in Ekperiland, Benin province, Western Nigeria. Kano: Ife-Olu Printing Press, 1951. 12 p.

McIntosh S. K., McIntosh R. J. From stone to metal: New perspectives on the later prehistory of West Africa // *Journal of World Prehistory*. 1988. Vol. 2, no. 1. P. 89–133.

Middleton J., Tait D. Introduction // *Tribes without rulers* / eds by J. Middleton, D. Tait. New York: Humanities Press, 1970. P. 19–30.

Morgan W. B. The influence of European contacts on the landscape of Southern Nigeria // *Geographical Journal*. 1959. Vol. 125. P. 48–64.

Nwankwo J. C. Land custom and social structure of rural Nigeria prior to colonialism // *Nigeria Magazine*. 1987. Vol. 55. P. 47–50.

Obayemi A. The Yoruba and Edo-speaking peoples and their neighbours before 1600 // *History of West Africa* / eds by J. F. Ade Ajayi, M. Crowder. London: Longman, 1976. Vol. 1. P. 196–263.

Ogundiran A. Four millennia of cultural history in Nigeria (ca. 2000 B. C. — A. D. 1900): Archaeological perspectives // *Journal of World Prehistory*. 2005. Vol. 19, no. 2. P. 133–168.

Omoregie O. S. B. The Benin moat: Culture and development in archaeology. Benin City: Bendel Publishers, n. d. 102 p.

Onokerhoraye A. G. Urbanism as an organ of traditional African civilization: The example of Benin, Nigeria // *Civilisations*. 1975. Vol. 25, no. 3–4. P. 294–306.

- Reid R. J.* Warfare in African history. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 188 p.
- Roth H. L.* Great Benin: its customs, art and horrors. London: Routledge and Paul Kegan, 1968. 234 p.
- Ryder A. F. C.* De la Volta au Cameroun // Histoire générale de l'Afrique: 8 t. Paris: UNESCO, 1985. T. 4. L'Afrique du XIIe au XVIe siècle / dir. D. T. Niane. P. 371–404.
- Sandomirsky N.* Benin, Empire: Origins and growth of city-state // Encyclopedia of African history / ed. by K. Shillington. New York; London: Fitzroy Dearborn, 2005. Vol. 1. A–G. P. 132–133.
- Schmidt P. R.* Historical archaeology in Africa: Representation, social memory, and oral traditions. Lanham, MD: AltaMira Press, 2006. 240 p.
- Shaw T.* The prehistory of West Africa // History of West Africa / eds by J. F. Ade Ajayi, M. Crowder. London: Longman, 1976. Vol. 1. P. 33–71.
- Shaw T.* Nigeria: its archaeology and early history. London: Thames and Hudson, 1978. 216 p.
- Shaw T.* Archaeological evidence and effects of food producing in Nigeria // From hunters to farmers: the causes and consequences of food production in Africa / eds by J. D. Clark, S. A. Brandt. Berkeley, CA: University of California Press, 1984. P. 152–157.
- Sidahome J. E.* Stories of the Benin Empire. Ibadan; London: Oxford University Press, 1964. 196 p.
- Talbot P. A.* The peoples of Southern Nigeria. A sketch of their history, ethnology and languages. London: Oxford University Press, 1926. Vol. 1. Historical notes. 365 p.
- Talbot P. A.* The peoples of Southern Nigeria. A sketch of their history, ethnology and languages. London: Oxford University Press, 1926. Vol. 2–3. Ethnology. 976 p.
- Thomas N. W.* Anthropological report on the Edo-speaking peoples of Nigeria. London: Harris and Sons, 1910a. Pt. 1. Law and Custom. 163 p.
- Thomas N. W.* Marriage and legal customs of the Edo-speaking peoples of Nigeria // Journal of the Society of Comparative Legislation. 1910b. Vol. 11, no. 1. P. 94–101.
- Thomas N. W.* Marriage law and customs of the Edo-speaking peoples of Nigeria // African Affairs. Journal of the Royal African Society. 1910c. Vol. 10, no. 1. P. 85–93.
- Thomas N. W.* Totemism in Southern Nigeria // Anthropos. 1915–1916. Vol. 10–11, no. 1–2. P. 234–248.
- Thomas N. W.* Totemism in Southern Nigeria // Anthropos. 1919–1920. Vol. 14–15, no. 1–3. P. 543–545.
- Usuanlele U.* Pre-colonial Benin: A political economy perspective // Pre-colonial Nigeria. Essays in honor of Toyin Falola / ed. by A. Ogundiran. Trenton, NJ; Asmara: Africa World Press, 2005. P. 259–280.
- Uwechue R.* The awareness of history among indigenous African communities // Présence africaine. 1970. Vol. 73. P. 143–147.

REFERENCES

- Adekola K. O. Agriculture beginnings in West Africa: a re-evaluation of the evidence. *Anistoriton*, 2010–2011, vol. 12, pp. 1–9. Available at: http://www.anistor.gr/english/enback/2011_2v_Anistoriton.pdf (accessed: 06.06.2024). (In English).

Agheyisi R. N. *An Edo-English dictionary*. Benin City: Ethiope Publishing Corporation, 1986, 169 p. (In English).

Agiri B. A. Yoruba oral tradition with special reference to the early history of Oyo. *Yoruba oral tradition: selections from the papers presented at the seminar on Yoruba oral tradition, poetry in music, dance and drama*. Ibadan: Ife University Press, 1975, pp. 157–197. (In English).

Aisien E. *Benin City: The Edo state capital*. Benin City: Aisien Publishers, 1995, 117 p. (In English).

Ajisafe A. K. *Laws and customs of the Benin people*. Lagos: Kash and Klare Bookshop, 1945, 101 p. (In English).

Akinjogbin I. A., Adediran B. Pre-colonial Nigeria: West of the Niger. *Nigerian history and culture*. Harlow: Longman, 1985, pp. 35–55. (In English).

Akpata O. Marriage customs in Benin. *Edo College Magazine*, 1959, no. 10, pp. 21–22. (In English).

Alabi R. A. Late Stone Age technologies and agricultural beginnings. *Pre-colonial Nigeria. Essays in honor of Toyin Falola*. Trenton, NJ; Asmara: Africa World Press, 2005, pp. 87–104. (In English).

Beliaev D. D., Bondarenko D. M., Korotayev A. V. Origins and evolution of chiefdoms. *Reviews in Anthropology*, 2001, vol. 30, pp. 387–409. (In English).

Bondarenko D. M. *Benin nakanune pervykh kontaktov s evropeysami: Chelovek. Obshchestvo. Vlast'* [Benin on the eve of the first contacts with Europeans: Person. Society. Authority]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 1995, 339 p. (In Russian).

Bondarenko D. M. [Chiefdoms in precolonial Benin]. *Ranniye formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: From primitivity to statehood]. Moscow: Nauka Publ., 1995, pp. 140–152. (In Russian).

Bondarenko D. M., Roesse P. M. [The Efa: mysterious aborigines of Edoland]. *Afrika: obshchestva, kul'tury, yazyki (Vzaimodeystviye kul'tur v protsesse sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy transformatsii mestnykh obshchestv. Istoriya i sovremennost')* [Africa: societies, cultures, languages (Interaction of cultures in the process of socioeconomic and political transformation of local societies. history and contemporaneity)]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 1998, pp. 18–26. (In English).

Bondarenko D. M., Roesse P. M. Pre-dynastic Edo: the independent local community government system and socio-political evolution. *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 1998, vol. 39, no. 3, pp. 367–372. (In English).

Bondarenko D. M. [The Rise of chiefdoms and urbanization process among the Edo (late 1st — early 2nd millennia AD)]. *Afrika: obshchestva, kul'tury, yazyki (Traditsionnyy i sovremennyy gorod v Afrike)* [Africa: societies, cultures, languages (The traditional and modern African city)]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 1999, pp. 23–32. (In English).

Bondarenko D. M., Roesse P. M. Benin prehistory. the origin and settling down of the Edo. *Anthropos*, 1999, vol. 94, no. 4–6, pp. 542–552. (In English).

Bondarenko D. M., Korotayev A. V. Family size and community organization: a cross-cultural comparison. *Cross-Cultural Research*, 2000, vol. 34, no. 2, pp. 152–189. (In English).

Bondarenko D. M. *Doimperskiy Benin: formirovaniye i evolyutsiya sistemy sotsial'no-politicheskikh institutov* [Pre-imperial Benin: formation and evolution of the socio-political institutions system]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 2001, 350 p. (In Russian).

Bondarenko D. M. The Benin Kingdom (13th–19th centuries): Megacommunity as socio-political system. *The evolution of social institutions: Interdisciplinary perspectives*. Cham: Springer International Publishing, 2020, pp. 337–357. (In English).

Bradbury R. E. *The Benin Kingdom and the Edo-speaking peoples of South-Western Nigeria*. London: International African Institute, 1957, 212 p. (In English).

Bradbury R. E. The historical uses of comparative ethnography with special reference to Benin and the Yoruba. *The historian in Tropical Africa*. London: Oxford University Press, 1964, pp. 145–164. (In English).

Bradbury R. E. Father and senior son in Edo mortuary ritual. *African systems of thought*. London: International African Institute, 1965, pp. 97–115. (In English).

Bradbury R. E. Patrimonialism and gerontocracy in Benin political culture. *Man in Africa*. London: Tavistock, 1969, pp. 17–36. (In English).

Bradbury R. E. *Benin studies*. London: Oxford University Press, 1973, 316 p. (In English).

Carneiro R. L. The chiefdom: Precursor of the state. *The transition to statehood in the New World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, pp. 37–79. (In English).

Carneiro R. L. What happened at the flashpoint? Conjectures on chiefdom formation at the very moment of conception. *Chiefdoms and chieftaincy in the Americas*. Gainesville, FL: University Press of Florida, 1998, pp. 18–42. (In English).

Carneiro R. L. The circumscription theory: a clarification, amplification, and reformulation. *Social Evolution and History*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 5–30. (In English).

Cerasoni J. N., Orijemie E. A., Hallett E. Y., Farr L., Scerri E. M. L. Ihò Eléérú [Iwo Eleru], Nigeria. *Handbook of Pleistocene archaeology of Africa: hominin behavior, geography, and chronology*. Cham: Springer, 2023, pp. 915–925. (In English).

Cerasoni J. N., Hallett E. Y., Orijemie E. A., Ashastina K. Lucas M., Farr L., Höhn A., Kiahtipes C. A., Blinkhorn J., Roberts P., Manica A., Scerri E. M. L. Human interactions with tropical environments over the last 14,000 years at Iho Eleru, Nigeria. *iScience*, 2023, vol. 26, no. 3 (106153), pp. 1–19. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589004223002304> (accessed: 22.06.2024). (In English).

Claessen H. J. M. On chiefs and chiefdoms. *Social Evolution and History*, 2011, vol. 10, no. 1, pp. 5–26. (In English).

Coe M. D. Social typology and tropical forest civilizations. *Comparative Studies in Society and History*, 1961, vol. 4, no. 1, pp. 65–85. (In English).

Connah G. Summary on research in Benin City and in Bornu. *West African Archaeological Newsletter*, 1966, no. 5, pp. 22–25. (In English).

Connah G. New light on the Benin City walls. *Journal of the Historical Society of Nigeria*, 1967, vol. 3, no. 3, pp. 593–609. (In English).

Connah G. *Benin. Lectures on Nigerian prehistory and archaeology*. Ibadan: Ibadan University Press, 1969, pp. 54–61. (In English).

Connah G. Ife. *Lectures on Nigerian prehistory and archaeology*. Ibadan: Ibadan University Press, 1969, pp. 47–53. (In English).

Connah G. Archaeology in Benin. *Journal of African History*, 1972, vol. 13, no. 1, pp. 26–37. (In English).

Connah G. *The archaeology of Benin. Excavations and other researches in and around Benin City, Nigeria*. Oxford: Clarendon Press, 1975, 266 p. (In English).

Connah G. *African civilizations: precolonial cities and states in Tropical Africa. An archaeological perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 1987, 272 p. (In English).

Connah G. Development of states in sub-Saharan Africa. *Encyclopedia of precolonial Africa: archaeology, history, languages, cultures, and environments*. Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 1997, pp. 457–461. (In English).

Connah G. *African civilizations: An archaeological perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 358 p. (In English).

Connah G. *Forgotten Africa: an introduction to its archaeology*. London; New York: Routledge, 2004, 208 p. (In English).

Darling P. J. A change of territory: Attempts to trace more than a thousand years of population movements by the Benin and Ishan peoples in Southern Nigeria. *African historical demography*. Edinburgh: Centre of African Studies, 1981, vol. 2, pp. 105–120. (In English).

Darling P. J. *Archaeology and history in Southern Nigeria: the ancient linear earthworks of Benin and Ishan*. Oxford: British Archaeological Reports, 1984, pt. 1–2, 556 p. (In English).

Darling P. J. Emerging towns in Benin and Ishan (Nigeria) AD 500–1500. *State and society: The emergence and development of social hierarchy and political centralization*. London: Unwin Hyman, 1988, pp. 121–136. (In English).

Darling P. J. A legacy in earth: Ancient Benin and Ishan, Southern Nigeria. *Historical archaeology in Nigeria*. Trenton, New Jersey: Africa World Press, 1997, pp. 143–197. (In English).

Diagne P. Le pouvoir en Afrique. *Le concept de pouvoir en Afrique*. Paris: Les Presses de l'UNESCO, 1981, pp. 28–55. (In French).

Dike K. O. (Onwuka Dike). [Benin, a medieval Nigerian state]. *Kur'er YuNESKO* [The UNESCO Courier], 1959, no. 10, pp. 13–14. (In Russian).

Ebohon O. *Cultural heritage of Benin*. Benin City: Midwest Newspaper Corporation, 1972, 151 p. (In English).

Egharevba J. U. *Benin law and custom*. Port Harcourt: Niger Press, 1949, 120 p. (In English).

Egharevba J. U. *The city of Benin*. Benin City: Aguebor Press, 1952, 27 p. (In English).

Egharevba J. U. *Bini titles*. Benin City: Kopin-Dogba Press, 1956, 46 p. (In English).

Egharevba J. U. *A short history of Benin*. Ibadan: Ibadan University Press, 1960, 101 p. (In English).

Egharevba J. U. *Chronicle of events in Benin*. Benin City: Kopin-Dogba Press, 1965, 52 p. (In English).

Eisenstadt S. N. *Social differentiation and stratification*. Glenview; Illinois; London: Scott, Foresman and Company, 1971, 248 p. (In English).

Esan O. Correspondence, “Before Oduduwa”. *Odù*, 1960, no. 8, pp. 75–76. (In English).

Eweka E. B. *The Benin monarchy (origin and development)*. Benin City: Bendel Newspapers Co., 1989, 40 p. (In English).

Eweka E. B. *Evolution of Benin chieftaincy titles*. Benin City: Uniben Press, 1992, 263 p. (In English).

Eweka I. *Dawn to dusk: folk tales from Benin*. London; Portland: Frank Cass, 1998, 183 p. (In English).

Fleisher J., Wynne-Jones S. Authorisation and the process of power: The view from African archaeology. *Journal of World Prehistory*, 2010, vol. 23, no. 4, pp. 177–193. (In English).

Fortes M., Evans-Pritchard E. E. Introduction. *African political systems*. Oxford: Oxford University Press, 1940, pp. 1–23. (In English).

Harvati K., Stringer C., Grün R., Aubert M., Allsworth-Jones P., Folorunso C. A. The Later Stone Age calvaria from Iwo Eleru, Nigeria: morphology and chronology. *PLoS ONE*, 2011, vol. 6, no. 9 (e24024), pp. 1–8. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0024024> (accessed: 22.06.2024). (In English).

Hellermann P. von. Was Benin a forest kingdom? Attempting to reconstruct landscapes in Southern Nigeria. *West African archaeology: New developments, new perspectives*. Oxford: Archaeopress, 2010, pp. 93–102. (In English).

Hellermann P. von. *Things fall apart? The political ecology of forest governance in Southern Nigeria*. Oxford, New York: Berghahn, 2013, 206 p. (In English).

Igbafe P. A. Tradition and change in Benin marriage system. *Nigeria Journal of Economic and Social Studies*, 1970, vol. 12, no. 1, pp. 73–102. (In English).

Igbafe P. A. Benin in the precolonial era. *Tarikh*, 1975, no. 5, pp. 1–16. (In English).

Jones A. *German sources for West African history 1599–1669*. Wiesbaden: Franz Steiner, 1983, 417 p. (In English).

Keys D. Digging in the dirt. *The Independent*, 1994, 25th January, p. 13. (In English).

Kobishchanov Yu. M. [Systems of the community type]. *Obshchina v Afrike problemy tipologii* [Community in Africa: Problems of typology]. Moscow: Nauka Publ., 1978, pp. 133–260. (In Russian).

Kobishchanov Yu. M. *Melkonatural'noye proizvodstvo v obshchinno-kastovykh sistemakh Afriki* [Small-scale production in the community-caste systems of Africa]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 264 p. (In Russian).

Kochakova N. B. [Gerontocracy. The age-based principle of getting power]. *Mekhanizmy politicheskoy vlasti v stranakh Zapadnoy Afriki* [Mechanisms of getting power in West African countries]. Moscow: Institut Afriki RAN Publ., 1991, pp. 17–25. (In Russian).

Korotayev A. V. Bondarenko D. M. [Polygyny and democracy: A cross-cultural research]. *Algebra rodstva. Rodstvo. sistemy rodstva, sistemy terminov rodstva* [Algebra of kinship. Kinship, systems of kinship, systems of kinship terms]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2001, iss. 7, pp. 173–186. (In Russian).

Lasisi O. History of archaeological research in the Yoruba-Edo region of Nigeria: New directions for urban earthen works. *West African Journal of Archaeology*, 2017, vol. 47, no. 1–2, pp. 169–201. (In English).

LaViolette A., Fleisher J. The archaeology of sub-Saharan urbanism: Cities and their countryside. *African archaeology: A critical introduction*. Malden: Blackwell, 2005, pp. 327–352. (In English).

Legogie C. K. *Marriage customs in Ekperiland, Benin province, Western Nigeria*. Kano: Ife-Olu Printing Press, 1951, 12 p. (In English).

McIntosh S. K., McIntosh R. J. From stone to metal: New perspectives on the later prehistory of West Africa. *Journal of World Prehistory*, 1988, vol. 2, no. 1, pp. 89–133. (In English).

Middleton J., Tait D. Introduction. *Tribes without rulers*. New York: Humanities Press, 1970, pp. 19–30. (In English).

Morgan W. B. The influence of European contacts on the landscape of Southern Nigeria. *Geographical Journal*, 1959, vol. 125, pp. 48–64. (In English).

Nwankwo J. C. Land custom and social structure of rural Nigeria prior to colonialism. *Nigeria Magazine*, 1987, no. 55, pp. 47–50. (In English).

Obayemi A. The Yoruba and Edo-speaking peoples and their neighbours before 1600. *History of West Africa*. London: Longman, 1976, vol. 1, pp. 196–263. (In English).

Ogundiran A. Four millennia of cultural history in Nigeria (ca. 2000 B.C. — A.D. 1900): Archaeological perspectives. *Journal of World Prehistory*, 2005, vol. 19, no. 2, pp. 133–168. (In English).

Omeregbe O. S. B. *The Benin moat: culture and development in archaeology*. Benin City: Bendel Publishers, n. d., 102 p. (In English).

Onokerhoraye A. G. Urbanism as an organ of traditional African civilization: the example of Benin, Nigeria. *Civilisations*, 1975, vol. 25, no. 3–4, pp. 294–306. (In English).

Reid R. J. *Warfare in African history*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, 188 p. (In English).

Ryder A. F. C. De la Volta au Cameroun. *Histoire générale de l'Afrique*. Paris: UNESCO, 1985, t. 4, pp. 371–404. (In French).

Schmidt P. R. *Historical archaeology in Africa: Representation, social memory, and oral traditions*. Lanham: AltaMira Press, 2006, 240 p. (In English).

Shaw T. The prehistory of West Africa. *History of West Africa*. London: Longman, 1976, vol. 1, pp. 33–71. (In English).

Shaw T. *Nigeria: Its archaeology and early history*. London: Thames and Hudson, 1978, 216 p. (In English).

Shaw T. Archaeological evidence and effects of food producing in Nigeria. *From hunters to farmers: The causes and consequences of food production in Africa*. Berkeley: University of California Press, 1984, pp. 152–157. (In English).

Shnirelman V. A. [Ethno-cultural contacts and the transition to productive economy (Based on the evidence from Africa and Asia)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1982, no. 2, pp. 26–39. (In Russian).

Sidahome J. E. *Stories of the Benin Empire*. Ibadan; London: Oxford University Press, 1964, 196 p. (In English).

Sledzevskiy I. V. [Agricultural community in West Africa: Economic and social structure]. *Obshchina v Afrike problemy tipologii* [Community in Africa: Problems of typology]. Moscow: Nauka Publ., pp. 61–132. (In Russian).

Talbot P. A. *The peoples of Southern Nigeria. Asketch of their history, ethnology and languages. Historical notes*. London: Oxford University Press, 1926, vol. 1, 365 p. (In English).

Talbot P. A. *The peoples of Southern Nigeria. Asketch of their history, ethnology and languages. Ethnology*. London: Oxford University Press, 1926, vol. 2–3, 976 p. (In English).

Thomas N. W. Totemism in Southern Nigeria. *Anthropos*, 1919–1920, vol. 14–15, no. 1–3, pp. 543–545. (In English).

Usuanlele U. Pre-colonial Benin: a political economy perspective. *Pre-colonial Nigeria. Essays in honor of Toyin Falola*. Trenton, NJ; Asmara: Africa World Press, 2005, pp. 259–280. (In English).

Uwechue R. The awareness of history among indigenous African communities. *Présence africaine*, 1970, no. 73, pp. 143–147. (In English).

Willett F. [Nigeria]. *Zheleznyy vek Afriki* [The African Iron Age]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 5–29. (In Russian).

Submitted: 24.06.2024

Accepted: 09.07.2024

Article published: 31.12.2024